Константин Казенин

Исламское право в ситуации конкуренции правовых систем: случай Северного Кавказа

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-3-234-264

Konstantin Kazenin

Islamic Law in the Situation of Rivalry of Different Legal Systems: The Case of the North Caucasus

Konstantin Kazenin — Ye.T. Gaidar Institute for Economic Policy (Moscow, Russia). kz@iep.ru

The goal of this article is to provide a general overview of current research concerning the use of religious norms as an instrument of social regulation in the North Caucasus. The use of Islamic legal norms is an example of legal pluralism, i.e., parallel coexistence of different legal systems or their separate legal norms. The author gives a detailed analysis of two aspects of the use of religious norms to resolve conflicts in the eastern part of the North Caucasus. He considers alternatives to the use of these norms and also social factors that motivate residents to resort to these norms. The choice of the eastern part of the North Caucasus (Dagestan, Chechnya, Ingushetia) as a research area is determined by the fact that legal pluralism is much more widespread there than in the west of the North Caucasus.

Keywords: legal pluralism, Northern Caucasus, Dagestan, Chechnya, Islam, Islamic law.

Введение

Цель настоящей обзорной статьи — дать читателю общее представление о текущем состоянии исследований использования религиозных норм как инструмента социального регулирования на Северном Кавказе. Применение норм религиозного права для разрешения конфликтов, не имеющих отношения к функционированию собственно религиозных институций, — это один из факторов, определяющих роль религии в обществе. Современные страны и регионы с преобладанием му-

Казенин К. Исламское право в ситуации конкуренции правовых систем: случай Северного Кавказа // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 234–264.

Kazenin, Konstantin (2017) "Islamic Law in the Situation of Rivalry of Different Legal Systems: The Case of the North Caucasus", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 35(3): 234–264.

сульманского населения отличаются как по степени исследованности вопроса о действии в них религиозных правовых норм, так и, насколько можно судить на основе имеющихся исследований, по реальным масштабам этого явления.

На Северном Кавказе использование норм религиозного права имеет важную особенность, состоящую в том, что там эти нормы не имеют обязательного действия, в отличие от российского законодательства. В ряде северокавказских республик, в основном на Северо-Восточном Кавказе, после распада СССР наблюдается определенный «ренессанс» исламских правовых норм, но обращение к ним в конкретных ситуациях, требующих нормативного регулирования, возможно только по согласию заинтересованных сторон, а соблюдение таких норм, разумеется, не имеет и не может иметь законного силового обеспечения. При этом реальный набор альтернатив при урегулировании тех или иных конфликтных ситуаций может включать в себя также урегулирование на основе так называемого «обычного права» (адата), то есть норм, закрепленных традицией северокавказских народов и не заданных религией. Кроме того, в современных северокавказских городах результаты исследований позволяют говорить о стихийно сложившемся в постсоветские годы порядке регулирования споров, не основанном в полной мере ни на одной из имеющихся там правовых систем (см. ниже). Ниже все нормы, которые используются в практике разрешения конфликтов, но не основаны на государственном законодательстве, мы будем называть *неформальными* правовыми нормами.

Все это заставляет рассматривать действие исламских правовых норм в современных северокавказских социумах как проявление *правового плюрализма* (*legal pluralism*), то есть параллельного действия различных правовых систем или их отдельных правовых норм. С краткой характеристики этого понятия и основных подходов к его описанию мы и начинаем настоящий обзор (раздел 1). Затем мы представим основные результаты имеющихся исследований правового плюрализма на Северном Кавказе в прошлом и настоящем (раздел 2), после чего подробнее остановимся на двух аспектах современного использования религиозных норм для разрешения споров в восточной части Северного Кавказа — на составе альтернатив действию этих норм (раздел 3) и на социальных факторах, мотивирующих обращение жителей к этим нормам (раздел 4). Выбор восточной части Северного Кавказа (Дагестана, Чечни и Ингушетии) для иссле-

дования обусловлен тем обстоятельством, что там явление правового плюрализма представлено шире, чем на западе Северного Кавказа.

1. Понятие правового плюрализма и основные подходы к его исследованию

Правовой плюрализм стал предметом специального изучения в общественных науках с 1970-х годов[1]. В самом общем понимании правовой плюрализм — это одновременное действие в некотором социуме двух или более правовых систем. Этот феномен стал отчетливо заметен в разных частях мира в XX веке по мере того, как в результате деколонизации возникали новые государства. Оказалось, что в постколониальных странах нередко действует весьма неожиданная «смесь» из государственных законов, отчасти копирующих юридическую систему бывшей страны-колонизатора, норм местного традиционного права и религиозных норм.

Удивительный для многих исследователей феномен состоял в том, что такое сосуществование в большом количестве стран не ограничилось каким-то кратким переходным периодом, а привело к «балансу» разных правовых систем, к их длительному и достаточно стабильному действию внутри одного социума. Это ставило целый ряд вопросов, прежде всего:

— почему в одном обществе могут сосуществовать разные правовые системы, несмотря на то, что их сосуществование явно усложняет систему «правил игры», действующих в этом обществе, допуская многообразие путей разрешения одного и того же конфликта?

— существуют ли какие-либо универсальные ограничения на «сочетаемость» разных правовых систем в одном обществе, то есть на то, какие формы сосуществования правовых систем возможны, а какие — нет?

— что может нарушить имеющийся «баланс» правовых систем, сосуществующих в одном социуме, привести к расширению или сужению поля применения некоторой правовой системы или к полному отказу общества он нее?

1. Из наиболее ранних работ по правовому плюрализму упомянем Griffiths, J. (1986) "What Is Legal Pluralism?", *Journal of Legal Pluralism* 24; Pospisil, L. (1970) "Legal Levels and Multiplicity of Legal Systems in Human Societies", *Conflict Resolution* 11(7).

Убедительных ответов на все эти вопросы исследования правового плюрализма пока не дали. Надо сказать, что эти исследования с момента своего зарождения носили подчеркнуто междисциплинарный характер, что вполне естественно, поскольку само явление правового плюрализма затрагивает сферы, относящиеся к ведению разных наук: юриспруденции, социологии, политологии, антропологии. «Традиционные» правоведческие исследования, концентрирующиеся на содержании письменно зафиксированных, формализованных правовых систем, для исследования правового плюрализма были недостаточны по следующим причинам:

1. В наиболее распространенном варианте правового плюрализма по крайней мере одна из действующих правовых систем не имеет общепринятой письменной версии или вовсе не зафиксирована письменно, в отличие от правовых систем, с которыми обычно работает юриспруденция;
2. В ситуации правового плюрализма важно не только уяснить содержание действующих правовых систем, но и понять, как именно они сосуществуют: в какой сфере действует какая из них; каково отношение к ним разных членов социума; возникают ли ситуации конфликта между правовыми системами и, если да, как такие конфликты разрешаются; как существование и разрешение таких конфликтов связано с политическими процессами, протекающими в обществе, и т. д.[2]

В силу этих обстоятельств исследование правового плюрализма невозможно без изучения сложившихся в обществе норм поведения, обычаев, неформальных договоренностей, политических практик, а также без учета отношения разных общественных групп и индивидов к действующим правовым системам. Именно это и делает необходимыми элементы социологического, антропологического, политологического анализа при изучении правового плюрализма.

На наш взгляд, имеющиеся на сегодняшний день исследования достаточно явно распадаются на несколько групп в зависимости от того, подход какой из дисциплин в них доминирует. Возможно, именно отсутствие междисциплинарного «равновесия»

2. Подробно о проблемах, связанных с использованием понятия «закон» при изучении правового плюрализма, см. Tamanaha, B.S. (2000) “A Non-Essentialist Version of Legal Pluralism”, *Journal of Law and Society* 27(2): 296–321 и ссылки в указанной работе.

в большинстве исследований этого явления затрудняет на сегодняшний день создание общей теории правового плюрализма, отвечающей на поставленные выше вопросы.

В исследованиях, рассматривающих правовой плюрализм в первую очередь *с точки зрения теории права*, принципиальное значение имеет разграничение сильного (*strong*) и слабого (*weak*) правового плюрализма, предложенное в работах Гриффитса[3]. Сильный правовой плюрализм — это стихийно сложившееся сосуществование двух (или более) правовых систем в рамках одного общества. Как правило, одной из этих систем является государственное законодательство, а другие правовые системы действуют помимо или даже против воли государства. Слабый правовой плюрализм — это сосуществование различных правовых систем в одном обществе, утвержденное государством. Государство в этом случае само выступает «конструктором» усложненного варианта правовых отношений, при котором четко разграничены сферы действия различных систем права. Примером слабого правового плюрализма можно считать систему так называемого военно-народного управления, действовавшую в некоторых частях Северного Кавказа во второй половине XIX — начале XX вв. В рамках этой системы, по одним делам судопроизводство велось по российскому законодательству, а по другим делам — по обычному или исламскому праву, причем выбор «юрисдикции» был жестко регламентирован российскими государственными актами (подробнее см. раздел 2). Наиболее явный случай сильного правового плюрализма — самостоятельные центры правового регулирования, действующие в сообществах мигрантов в странах, где такие сообщества существуют незначительное время и не прошли какой-либо адаптации к местным нормам.

Следует заметить, что противопоставление сильного и слабого правового плюрализма на фоне ряда фактов выглядит как упрощение, так что сильный и слабый правовой плюрализм следует, скорее всего, считать «идеальными» типами данного явления, которое в реальности может не соответствовать в полной мере ни одному из них. Например, имеются случаи, когда государство санкционирует сосуществование двух правовых систем, однако отсутствует четкое разграничение сфер их приме-

3. См., например: Griffiths, J. (2005) "The Idea of Sociology of Law and its Relation to Law and to Sociology", *Current Legal Issues* 49.

нения. Такая ситуация, согласно М. Ворхуве[4], по крайней мере в первой половине 2000-х годов имела место, например, в Тунисе, где государственные суды имеют право выносить решение, основываясь как на нормах государственного законодательства, так и на нормах исламского права (шариата), и, например, при бракоразводных процессах суды часто «смешивают» две эти системы, ссылаясь на обе из них в рамках одного решения. Кроме того, в ряде стран зафиксирована ситуация, при которой трудно однозначно определить, в какой мере государство причастно к формированию правового плюрализма. Так, в Египте времен президентства Хосни Мубарака, согласно Б. Дюпре[5], система шариатских судов не была создана с прямой санкции государства, однако на практике активно поддерживалась его представителями. Эта поддержка выражалась в частом вхождении офицеров полиции в состав шариатских судов, а также в отказе полиции возбуждать уголовное дело, даже в случае убийства, если между виновным и пострадавшей стороной достигнуто примирение по шариату.

Кроме того, определенной идеализацией представляется и тезис ранних работ по правовому плюрализму, выполненных в рамках теоретико-правового подхода, о том, что правовой плюрализм всегда предполагает сосуществование правовых систем в полном объеме. Как показал Ф. Бенда-Бекманн[6], на Западной Суматре (Индонезия) в судебных спорах между мусульманами о наследстве могут действовать и нормы шариата, и нормы местного обычного права; при этом в спорных случаях каждая сторона может ссылаться на выгодную ей норму, вне зависимости от того, соблюдены ли в данном наследственном деле другие нормы той же правовой системы. В исследованиях Г. Вудмана[7] на примере использования норм обычного права судами ряда африканских государств показано, что этот феномен может быть

4. Voorhoeve, M. (2009) “The Interaction Between Codified Law and Divine Law: the Case of Divorce for Disobedience in Tunisia”, *IBLA: Revue de l’Institut des Belles Lettres Arabes* 204: 267–286.

5. Dupret, B. (2006) “Legal Traditions and State-Centered Law: Drawing from Tribal and Customary Law Cases of Yemen and Egypt”, in D. Chatty (ed.) *Nomadic Societies in the Middle East and North Africa: Entering the 21st century*. London: Brill.

6. Benda-Beckmann, von F. (2002) “Who Is Afraid of Legal Pluralism?”, *Journal of Legal Pluralism* 47: 37–82.

7. См., например: Woodman, G. (1996) “Legal Pluralism and the Search of Justice”, *Journal of African Law* 40(2): 152–167.

адекватно описан только как взаимодействие различных конкретных законодательных норм, а не законодательных систем в полном объеме, поскольку в любой «точке выбора» альтернативы касаются только принятия/непринятия судом отдельных правовых положений той или иной правовой системы, а не целых правовых систем (государственного законодательства, обычного права и т. д.).

Наиболее развитой альтернативой теоретико-правовому подходу к правовому плюрализму является *политико-экономический подход*. Этот подход стремится объяснить возникновение этого феномена как результат столкновения интересов в обществе. На взгляд авторов, работающих в рамках такого подхода, правовой плюрализм — это результат борьбы разных общественных слоев или групп за контроль над теми или иными активами. Инструментом в этой борьбе может стать насаждение разными сторонами разных правовых систем, каждая из которых максимально выгодна тому, кто ее «продвигает».

Конфликт интересов как база возникновения правового плюрализма достаточно хорошо изучен, например, в работах по правовому плюрализму в разных регионах Индонезии[8]. Там нормы обычного права, закрепляющие за жителями сел исключительные права на пользование землями, непосредственно примыкающими к селу, перестали действовать еще во времена голландской колонизации во второй половине XIX века, однако в конце 1990-х годов, после смерти президента Сукарто и начала демократических преобразований в стране, жители сел стали апеллировать к этим нормам в экономической борьбе с крупными агропромышленными компаниями, пользовавшимися бывшими сельскими землями. Конфликт, в котором одна из сторон обосновывала свои требования «старыми» правовыми нормами, во многих случаях находил формальное решение в рамках современного законодательства — через получение сельскими жителями долей в компаниях, чье право на земли они оспаривали.

В ряде работ показано, что нормы правовых систем, отличных от государственного законодательства, могут использоваться сторонами политических конфликтов как инструмент для укрепления собственного влияния и ограничения влияния соперни-

8. Benda-Beckmann, von F. “Who Is Afraid of Legal Pluralism?”.

ка. Приведем пример, касающийся той же Индонезии. А. Салим[9] показывает, что борьба за признание государством расширенных полномочий шариатских судов в индонезийской провинции Ачех, начавшаяся в 1990-е годы и в целом завершившаяся успехом поборников шариата, велась политическими силами, заинтересованными в максимальной автономии данной провинции. Так правовая система, действующая на некоторой территории, становится гарантией политического статуса территории, которого добиваются адепты данной правовой системы.

2. Конкуренция правовых норм на Северном Кавказе: обзор исследований

В данном разделе мы кратко представим основные результаты имеющихся исследований по феномену правового плюрализма в северокавказских республиках. В целом эти исследования убедительно показывают, что сегодня на Северном Кавказе, точнее, в северо-восточной его части (в Дагестане, Ингушетии и Чечне), некоторые типы конфликтов могут разрешаться с использованием норм правовых систем, исторически существовавших там еще в XIX веке и ранее — норм исламского права (шариата) и норм традиционного, или обычного, права (адата). Действие норм этих систем на современном Северном Кавказе никак не закреплено какими-либо обязательными для граждан правовыми актами и возможно только при добровольном согласии участников тех достаточно немногочисленных на сегодняшний день сфер социально-экономической жизни, в которых эти нормы используются.

Большинство исследований правового плюрализма на Северном Кавказе рассматривает его под историко-этнографическим углом зрения[10]. Приоритетное внимание уделяется процессу фор-

9. Salim, A. (2009) *Dynamic Legal Pluralism in Indonesia: the Shift in Plural Legal Orders of Contemporary Aceh*. Max Plank Institute for social anthropology. Working paper 110.

10. См., напр., *Албогачиева М.С-Г.* Особенности взаимодействия российской судебно-правовой системы и традиционных правовых институтов ингушского общества // Общество как объект и субъект власти: очерки по политической антропологии Кавказа / под ред. Ю.Ю. Карпов. СПб: Петербургское востоковедение. 2012. С. 142–208; *Бобровников В.О.* Правовой плюрализм дагестанского адата // Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V — начала XX в. Т.II / сост. В.О. Бобровников. М.: Издательский дом Марджани, 2009; Северный Кавказ в составе Российской Империи / под ред. Бобровникова В.О., И.Л. Бабича. М.: Новое литературное обозрение, 2007; *Павлова О.С.* Ингушский этнос на современном

мирования той социо-культурной среды, в которой сосуществуют или сосуществовали ранее элементы разных правовых систем. Могут исследоваться как целые регионы[11], так и отдельные сельские общины[12].

Исследователи в рамках данного подхода в первую очередь задаются вопросом о том, в результате каких исторических причин в изучаемых ими социумах оформилось сосуществование разных правовых систем. Применительно к Северному Кавказу, выделяются три важнейших этапа формирования правового плюрализма:

1. Возникновение так называемого военно-народного управления после российского завоевания во второй половине XIX века. Стержневой идеей военно-народного управления было жесткое разделение сфер действия разных юрисдикций: некоторые стороны жизни населения завоеванных территорий регулировались правовыми системами, действовавшими до утверждения российской власти (шариатом и обычным правом — адатом), а некоторые — российским законодательством. Согласно М.Л. Бабич и В.О. Бобровникову[13], наиболее жизнеспособной система военно-народного управления оказалась в Дагестане, где она существовала вплоть до 1917 года, наиболее эфемерной — на Западном Кавказе. Конкретные границы «сфер действия» разных правовых систем могли меняться от одной территории к другой. Например, в Дагестане по адату рассматривались дела по мелким уголовным правонарушениям, а также поземельные и хозяйственные споры. По шариату рассматривались гражданские иски, в том чис-

этапе (черты социально-психологического портрета). М.: Форум, 2012; *Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л.* Горцы после гор. СПб: Петербургское востоковедение, 2011.

11. *Павлова О.С.* Ингушский этнос на современном этапе (черты социально-психологического портрета); *Штырков С.А.* Прогрессивные народные традиции: обретение и изобретение (случай Северо-Осетинской ССР в 1960-е годы) // Общество как объект и субъект власти: очерки по политической антропологии Кавказа / под ред. Ю.Ю. Карпова. СПб: Петербургское востоковедение, 2012. С.209–246.

12. *Капустина Е.Л.* Выборы в сельском Дагестане: политическое событие как элемент социальной жизни // Общество как объект и субъект власти: очерки по политической антропологии Кавказа / под ред. Ю.Ю. Карпова. СПб: Петербургское востоковедение, 2012. С. 32–60; *Соколов Д.В.* Конкуренция социально-экономических укладов: джамаат против колхоза // Двадцать лет без колхозов / под ред. Д.В. Соколова, Х.Г. Магомедова. М.: RAMCOM, 2013. С. 7–30.

13. Северный Кавказ в составе Российской Империи.

ле связанные с конфликтами между членами семьи, бракоразводные процессы, споры по завещаниям и по мечетной собственности (вакфам). Все эти дела рассматривались сельскими словесными судами, а в качестве апелляционной инстанции — окружными народными судами. При этом гарантом соблюдения постановлений этих судов выступало Российское государство.

2. Формирование новой системы правового плюрализма после утверждения на Северном Кавказе Советской власти в 1920 году[14]. Данный этап характеризовался первоначальным расширением сферы действия шариатского правосудия при поддержке советского государства (в Наркомате юстиции Дагестана в 1922–1927 гг. существовал специальный отдел, обеспечивавший работу шариатских судов — *шаротдел*, а сами суды были на казенном обеспечении). Во второй половине 1920-х гг., однако, государство начало планомерное наступление на «альтернативное правосудие», сопровождавшееся репрессиями в отношении авторитетных исламских религиозных деятелей. Из описаний юридической практики Дагестана этого периода следует, что в первые годы советской власти, как и в период военно-народного управления, правовой плюрализм в регионе был слабым в том смысле, что действие разных правовых систем обеспечивалось государством. В частности, как указывает В. О. Бобровников[15], судебные исполнители при дагестанских сельских словесных судах с 1925 года получили статус сельских милиционеров. Вместе с тем, как для военно-народного управления, так и для первых советских лет открытым остается вопрос о том, было ли государство «архитектором» сложившейся системы правового плюрализма, или оно лишь интегрировало в свою систему правовые отношения, действенность которых могла быть обеспечена и без участия государства.

14. См. *Албогачиева М.С-Г.* Особенности взаимодействия российской судебно-правовой системы и традиционных правовых институтов ингушского общества. С. 155–165; *Агларов М.А.* Сельская община под реформами XIX — первой трети XX в. // Обычай и закон в письменных памятниках народов Дагестана V — начала XX в. / сост. В.О. Бобровникова. М.: Издательской дом Марджани, 2009. С. 26–39; *Сулаев И.Х.* Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: история взаимоотношений (1917–1991 гг.). Махачкала, 2009. С. 35–84.

15. *Бобровников В.О.* Правовой плюрализм дагестанского адата.

3. «Ренессанс» правового плюрализма после распада СССР. В литературе достаточно подробно описано возрождение шариатского правосудия в региональном масштабе, через республиканские шариатские суды в Ингушетии и Чечне[16]. В Дагестане этот процесс лучше изучен на уровне отдельных сел, что связано, видимо, с большой раздробленностью дагестанского ислама и отсутствием там единого центра мусульманского правосудия. Один из важных выводов, обосновываемых, в частности, в работах В.О. Бобровникова[17], состоит в том, что в первые постсоветские годы в селах Дагестана шло не столько возобновление имевшихся ранее, сколько «изобретение» новых традиций, основанных на некоем симбиозе норм, сформировавшихся в колхозную эпоху, и шариатских норм в том виде, как их представляли тогда жители Дагестана, на протяжении десятилетий перед этим оторванного от центров исламского правоведения. Такой процесс наблюдался в основном в тех сферах хозяйственных отношений, которые в первые годы после распада СССР остались в Дагестане фактически без государственного регулирования, в частности, в сфере земельных отношений в селах.

В этнографических исследованиях по современному состоянию правового плюрализма на Северном Кавказе большое внимание уделяется тому, в каких именно сферах действуют сегодня нормы правовых систем, альтернативных по отношению к государственной. Так, Албогачиева[18] рассматривает действие шариата и обычного права в ситуации кровной мести в Ингушетии. Она показывает, что взаимоотношения между семьей убийцы и семьей его жертвы в сегодняшней Ингушетии частично следуют нормам шариата, а частично — обычного права (адата). Например, исследователь приводит случаи, когда после отказа от примирения родственников погибшего в результате дорожно-транспортного происшествия дело передавалось в работающий при региональном Духовном управлении мусульман шариатский суд,

16. *Албогачиева М.С-Г.* Особенности взаимодействия российской судебно-правовой системы и традиционных правовых институтов ингушского общества. С. 163–165; *Рощин М.Ю.* Ислам в Чечне // Ислам в Европе и в России / сост. Е.Б. Деминцева. М.: Издательский дом Марджани, 2009. С. 215–229.

17. *Бобровников В.О.* Правовой плюрализм дагестанского адата.

18. *Албогачиева М.С-Г.* Особенности взаимодействия российской судебно-правовой системы и традиционных правовых институтов ингушского общества.

который указывал не неправомерность кровной мести в отношении виновного в непреднамеренном убийстве. Вместе с тем, сами обычаи примирения «кровников» могут быть основаны на нормах адата, в том числе, как отмечает Албогачиева, сохранившихся еще с языческих времен. Среди других сфер, в которых исследователи отмечают действие норм религиозного или обычного права на современном Северном Кавказе, — семейная сфера (в первую очередь, конфликты между супругами), земельные отношения (конфликты между сельскими общинами или членами одной сельской общины по поводу границ используемых ими земель), отношения между предпринимателями.

Также в этнографических работах показано, что на современном Северном Кавказе чаще всего имеет смысл говорить не о действии некой альтернативной юрисдикции в полном объеме, а о действии отдельных элементов шариата или адата в конкретных ситуациях. Например, Е.Л. Капустина демонстрирует, что нормы обычного права, обязывающие индивида выполнять распоряжения старших людей из своего рода, достаточно жестко соблюдаются в ряде дагестанских сел в ходе местных выборов: «Очевидно, что индивид, формально наделенный Конституцией правом самостоятельно решать вопрос о том, за кого ему голосовать, в данном случае натыкается на некоторое ограничение. Решение джамаата порой становится выше личного волеизъявления человека»[19]. Как показывает автор, такие явления объяснимы именно действием неформальной нормы, по которой человек обязан соотносить свое электоральное поведение с позицией старших родственников, а не равнодушием рядовых односельчан к итогам выборов. При этом нет свидетельств, что в таких селах соблюдается вся система адатных норм, некогда действовавшая там, — речь скорее идет о «точечном» применении этих норм как способа мобилизации электората. То есть тезис ряда исследователей (см. раздел 1) о том, что правовой плюрализм может означать сосуществование в одном социуме не целых правовых систем, а отдельных их элементов, в данном случае подтверждается дагестанским материалом.

В упомянутых этнографических исследованиях также достаточно подробно описана «инфраструктура» разрешения споров на основе норм религиозного права на современном Северном Кавказе.

19. *Капустина Е.Л.* Выборы в сельском Дагестане: политическое событие как элемент социальной жизни. С. 51.

Ее ключевые элементы — это мечети, имамы которых практикуют рассмотрение обращений верующих, желающих разрешить возникший между ними конфликт по нормам религии, а также, в некоторых регионах, структуры при Духовных управлениях мусульман, оказывающие помощь в разрешении конфликтов.

Имеются, однако, два существенных вопроса, касающихся действия неформальных правовых норм на современном Северном Кавказе, которые мало обсуждаются в этнографических исследованиях. Во-первых, это вопрос о том, чем поддерживается действие неформальных правовых норм. Определенные наблюдения, касающиеся поддержания норм обычного права, содержатся в исследованиях Е. Л. Капустиной[20], которая отмечает, что действенность таких норм в конкретной сельской общине может поддерживаться такой практикой, как фактическое исключение сельского жителя из общины, имеющее прежде всего символическо-репутационные последствия (отказ односельчан и родственников посещать торжества в семье данного человека и т. п.). При этом для функционирования таких практик требуется наличие в селе достаточно «сильной» общины, с развитыми внутренними связями, что в реальности наблюдается сегодня далеко не во всех селах Дагестана. Вопрос о том, чем поддерживается действие норм, основанных на религиозном праве, а также о механизмах поддержания действия любых неформальных правовых норм в городской среде Северного Кавказа, в этнографической литературе не получил отдельного рассмотрения. Ниже мы отдельно рассмотрим этот вопрос в разделе 4.

Во-вторых, в этнографических исследованиях редко ставится вопрос об альтернативах разрешению конфликтов на основе неформальных правовых норм, то есть о том, с чем на практике конкурируют эти способы разрешения конфликтов в сегодняшнем северокавказском социуме. Утверждения о том, что такой альтернативой является государственное законодательство Российской Федерации, не вызывают вопросов, только если абстрагироваться от текущих реалий Северного Кавказа. Если, однако, учитывать эти реалии, то вопрос выглядит не столь однозначным.

Что касается вопроса об альтернативах разрешению споров на основе религиозных норм, то он обсуждается с применением понятий институциональной теории в работе Е. А. Варшаве-

20. Там же. С. 51–52.

ра и Е. Кругловой[21], где показано, что в сегодняшнем Дагестане во многих случаях реальной альтернативой порядку, основанному на религиозных нормах, служит ситуация так называемого «коалиционного клинча».

3. «Коалиционный клинч» и нормы религиозного права в городской среде Махачкалы

В работе Е.А. Варшавера и Е. Кругловой рассматривается вопрос о том социальном порядке, который сложился в Дагестане в 1990–2000-е годы и на фоне которого развивался феномен правового плюрализма, рассматриваемый в настоящей статье. Распад советского строя в Дагестане характеризовался не только существенным общим ослаблением государственных институтов, но и массовой миграцией в города, которая способствовала «переносу» в городскую среду многих сельских социальных практик, прежде всего — механизмов взаимной поддержки выходцев из одной сельской общины. Однако полноценное «копирование» в городе сельских институциональных норм оказалось трудным, что на фоне постсоветского ослабления государственных институтов приводило к институциональному вакууму. В нем и формировалась система отношений, основой которой стали конкурирующие между собой неформальные группы, значимость которых определяется прежде всего наличием в их составе людей, по своему положению способных влиять на разрешение тех или иных конфликтов. Основой такого влияния может быть должность в какой-либо государственной структуре, личная близость к чиновникам высокого уровня, наличие криминально-силового ресурса и т. д. Когда в социуме сформировалось достаточно большое число таких групп, между ними стало возникать своего рода динамическое равновесие, в условиях которого ни одна из них не может добиться решающего преимущества над другими. Такой порядок равновесия между неформальными группами и называется в указанной статье порядком «коалиционного клинча». Этот порядок возникает при слабых государственных институтах, становясь альтернативным по отношению к ним гарантом определенной стабильности в социуме.

21. *Варшавер Е., Круглова Е.* «Коалиционный клинч» против исламского порядка: динамика рынка институтов разрешения споров в Дагестане // Экономическая политика. 2015. №3. С. 89–112.

Однако действие данного порядка связано с большими рисками и издержками для самих групп. Риски связаны с тем, что состав групп и их сила постоянно меняются. Поэтому, если даже какой-то конфликт получил разрешение через признание одной из противостоящих групп преимущества другой, в будущем всегда возможен «пересмотр» решения, если группа, ранее пошедшая на уступку, сумела получить дополнительные ресурсы влияния. Таким образом любой конфликт рискует не иметь «стабильного» решения, всякое решение актуально лишь для текущего соотношения сил между противостоящими группами и может быть в будущем изменено. Еще один риск связан с размытостью системы норм и санкций за их невыполнение. Нормы не имеют основы в каком-либо общепринятом в данном социуме источнике (тексте или хотя бы неформально заданной и разделяемой большинством общества сумме культурных представлений), а санкции определяются теми группами, которые в данный момент наиболее влиятельны. Это означает постоянную возможность пересмотра тех правил, на которые ситуативно ориентируется та или иная группа. Что касается издержек, задаваемых таким порядком, то они обусловлены прежде всего постоянным недостатком информации о возможностях противостоящей группы. Например, при борьбе двух групп за решение суда по какому-либо затрагивающему их интересы вопросу ни одна из групп никогда не знает в точности, каких «ресурсных» персон, способных повлиять на решение суда, может привлечь противостоящая группа. Более того, группы не имеют полной информации и о собственных ресурсах влияния, которые постоянно меняются в зависимости от возможностей тех лиц, к которым близка данная группа. К издержкам порядка коалиционного клинча можно отнести и необходимость постоянных контактов членов группы друг с другом, необходимость «мобилизовываться» в поддержку любого члена группы (характерным визуальным примером такой «мобилизации» является быстрое появление значительных по численности групп поддержки каждого участника на местах ДТП в дагестанских городах). На возможность использования ресурса своей группы в собственных интересах можно рассчитывать, только постоянно подтверждая свою принадлежность к этой группе.

Как показывают Варшавер и Круглова, в большинстве исследованных полевыми методами конкретных случаев конфликтов в Дагестане, в которых стороны решили обратиться к религиоз-

ным авторитетам, фактической альтернативой их использованию было не решение конфликта по российскому законодательству, а его протекание в рамках порядка «коалиционного клинча». Именно между этим порядком и рассмотрением конфликта на основе исламских норм наблюдается ряд значимых контрастов. Так, разрешение конфликта на основе религиозных норм не сопряжено с рисками, связанными с неустойчивостью действующих норм, поскольку базируется на нормах, установленных независимо от участников конфликта.

В методологическом отношении подход, продемонстрированный в работе Варшавера и Кругловой, интересен в том отношении, что причины выбора религиозных норм как основы для разрешения конфликта анализируются на основе фактических альтернатив, имеющихся у его участников. Основной акцент при исследовании феномена правового плюрализма на Северном Кавказе в рамках этого подхода ставится на социальном контексте, в котором делается выбор между разными нормами регулирования, а не на идеологических, политических и т. д. мотивах такого выбора.

Следует при этом добавить, что противопоставление развития конфликта в рамках порядка «коалиционного клинча» и его разрешения на основе религиозных норм в некоторых случаях, по-видимому, не имеет абсолютного характера. По нашим фрагментарным наблюдениям в ходе полевых исследований в Дагестане в 2014-2015 годах можно предположить, что и в рамках порядка «коалиционного клинча» стороны в некоторых случаях обосновывали свою позицию в конфликте исламскими нормами (что могло служить и намеком на возможность использования на своей стороне силового ресурса незаконных вооруженных формирований «джихадистского» толка). Исследование таких прецедентов, однако, по понятным причинам было существенно затруднено. С другой стороны, необходимо отметить, что на современном Северном Кавказе при исследовании неформальных порядков конфликтного урегулирования и их границ непростым является вопрос о том, что именно считать религиозными нормами. В разделе 2 было показано, что «возрождение» исламских норм в постсоветское время на деле было во многом «изобретением» новых порядков, в действительности основанных на симбиозе различных правовых систем. Вопрос об источнике и границах религиозных норм, неформально задействованных в разрешении того или иного конфликта, на сегодняшнем Северном Кавказе

требует отдельного рассмотрения для каждого конкретного случая. Ниже, при анализе данных нашего полевого исследования, мы, однако, следовали более простому принципу разграничения, согласно которому «религиозной» считается норма, которая обозначается в качестве таковой участниками или медиаторами конфликта. Первостепенную роль при нашей классификации путей разрешения конфликтов будет иметь не конкретное содержание нормы, а представление акторов о ее источнике. При отмеченной выше современной «подвижности» содержания любых неформальных норм на Северном Кавказе такой подход представляется наиболее оправданным.

4. «Нишевое» действие неформальных правовых норм: механизмы обеспечения и бенефициары

Полевые исследования, проведенные в Дагестане, показывают, что причины обращения граждан к урегулированию конфликтов на основе религиозных норм в этом регионе в постсоветское время не ограничивались теми факторами, которые изложены в разделе 3. Помимо рисков, которые несет в себе порядок «коалиционного клинча», в конкретных ситуациях споров имеются и другие причины, в силу которых их участники могут искать разрешение ситуации «по исламу». В данном разделе, на основе результатов нашего полевого исследования, проведенного в Дагестане в 2014–2015 годах[22], рассматриваются возможные причины обращения к религиозным правовым нормам в двух различных случаях конфликтов. Первый случай — это конфликты на рынке вторичных продаж легковых автомобилей. Второй случай — споры при разделе бизнеса между предпринимателями-партнерами.

4.1. Неформальные правовые нормы на вторичном рынке легковых автомобилей

Вторичный рынок легковых автомобилей в восточной части Северного Кавказа, в том числе в Дагестане, — одна из тех хозяй-

22. Они ранее обсуждались в работах *Казенин К.И.* Перспективы институционального подхода к явлению полиюридизма (на примере Северного Кавказа) // Экономическая политика. 2014. № 3. С. 178–198; *Казенин К.И.* Регулирование земельных отношений в Дагестане: социально-экономические корни «традиционализации» // Экономическая политика. 2015. №3. С. 113–133.

ственных сфер, в которых роль религиозного регулирования достаточно заметна. Серия интервью, проведенных нами в городах Махачкала и Хасавюрт в 2015 году с предпринимателями, имеющими отношения к этой сфере бизнеса, а также рядовыми жителями, имевшими опыт покупки или продажи автомобилей в течение последних двух лет перед интервью, позволяет сделать вывод, что действие неформальных норм религиозного права на этом рынке объясняется, как минимум, двумя причинами.

Во-первых, вторичные продажи автомобилей в Дагестане в большинстве случаев осуществляются без перерегистрации автомобиля на нового собственника (вместо перерегистрации, на него оформляется генеральная доверенность). Оплата покупки не фиксируется официально, и, соответственно, нет документов, которые, в случае возникновения каких-либо претензий у покупателя к продавцу после сделки, могли бы быть использованы для рассмотрения этих претензий в российском суде.

Во-вторых, продажи подержанных автомобилей в Дагестане нередко становятся частью бизнес-схемы, которую принято называть в этих регионах «исламскими продажами» (подробнее см. ниже). Использование этой схемы изначально имеет религиозную мотивацию (избежание запрещенного в исламе кредитования под проценты), и поэтому вполне ожидаемо, что в случае каких-либо конфликтов при реализации этой схемы рассматриваются они по нормам религиозного права.

Основные конфликты, которые возникают на рынке вторичных продаж автомобилей и в некоторых случаях получают исламское регулирование, можно разделить на следующие типы:

- Спустя некоторое время после продажи автомобиля (без оформления права собственности покупателя) обнаруживается, что данный автомобиль имеет статус, препятствующий новому собственнику распоряжаться им. Например, этот автомобиль ранее был приобретен в кредит, который не полностью возвращен, или находится в розыске и т. д. В таких случаях участники рынка считают общепризнанным, что ответственность несет продавец:

> Предприниматель, г. Хасавюрт: Если ты продал машину, она оказалась проблемная и покупатель к тебе пришел, ты должен забрать эту машину. Это не обсуждается. Документы — это на твоей ответственности, машина должна быть чистая.

- Покупатель не произвел полную оплату за автомобиль в срок, о котором он ранее договорился с продавцом.

Очевидно, что в первом случае пострадавшим оказывается покупатель, а во втором — продавец. В обоих типах конфликтов, по словам респондентов, урегулирование часто проводится неформальным путем, без обращения в российские судебные органы. Это связано с тем, что, не имея соответствующих документов (в первом случае — документа, подтверждающего оплату; во втором случае — договора о продаже в рассрочку), пострадавший не может обосновать свое требование таким образом, который он мог бы считать достаточным для российского суда.

Вместо обращения в российский суд пострадавшие выбирают из двух возможных альтернатив: рассмотрение конфликта через посредника, действующего на основе религиозных норм, или прямой контакт с другой стороной конфликта без каких-либо посредников. Если выбирается первый вариант, то стороны по обоюдному согласию обращаются к компетентному в области религиозного права человеку, практикующему рассмотрение таких спорных вопросов. Часто такой медиатор является имамом какой-либо мечети, но этот статус не является для медиатора обязательным (практиков разрешения споров, которые имеют статус эксперта в исламском праве, но не являются имамами мечетей, при атрибуции цитат ниже мы обозначаем «медиаторами»). Функции человека, рассматривающего конфликт, ограничиваются тем, что он указывает спорящим сторонам такой образ их действия, который соответствовал бы исламским нормам. При этом ссылок на конкретные религиозные нормы, как в приведенном ниже примере, он может не делать. Во всех исследованных нами случаях участники конфликта определяли путь его решения как «исламский» в первую очередь по факту обращения к религиозному авторитету. В отношения какой-либо из сторон с третьей стороной (например, той, у которой продавец приобрел автомобиль для перепродажи) медиаторы при рассмотрении таких конфликтов не вмешиваются. Отметим, что это дополнительно затрудняет возможность для медиатора обеспечивать выполнение решения, принятого в ходе рассмотрения конфликта, поскольку выполнимость решения может зависеть от третьей стороны:

> Имам мечети, г. Хасавюрт: С Москвы пригнали машину сюда. Все документы были чистыми, после того человек продал машину дру-

> гому человеку, он [новый покупатель] на себя написал машину, оформил машину полностью, машина уже полтора года у него в руках, он полностью расплатился. И вдруг на посту останавливают, забирают у него машину. Почему? В розыске. Он позвонил (тому, у которого он купил), они пришли сюда. Я этого, у кого машину забрали, спросил: у тебя что осталось от нее? Он говорит: ничего, кроме ключей. Я говорю: ключи верни ему [последнему продавцу], а тому [последнему покупателю] говорю: отдай ему деньги. Он сказал: а я как? Я говорю: иди, откуда ты купил, там разберись. Он начал говорить: там фирма, там не обманывали. Я говорю: это между тобой и между той фирмой. Они ушли, он сказал: я найму адвоката, с той фирмой, это там сделали, не здесь.

В описанном случае последний продавец имел возможность сразу вернуть средства, вырученные от продажи автомобиля, последнему покупателю, и отношения последнего продавца с первичным продавцом (московской фирмой) никак не влияли на разрешение конфликта, который рассматривал имам мечети. Однако регулярно при рассмотрении таких конфликтов оказывается, что продавец не имеет возможность вернуть средства. В обнаруженных нами случаях это происходило, когда автомобиль «по цепочке» проходил через несколько продаж за короткий период времени. В таких ситуациях медиаторы ограничивались указанием на то, какое должно иметь место «движение» товара и средств, чтобы «проблемный» автомобиль был возвращен его первоначальному продавцу в данном регионе, но задачи как-либо обеспечивать реализацию этого «движения» на себя не брали:

> Медиатор, г. Махачкала: Мы, например, по цепочке машины возвращаем. А дальше говорим: вот так машину и деньги передавайте, это нас не касается.

При этом, судя по интервью, жители, обращающиеся к исламским медиаторам, полностью осознают, что, в отличие от государственных судебных органов, эти медиаторы не имеют ни права, ни возможности обеспечивать выполнение своего решения сторонами.

> Предприниматель, г. Хасавюрт: Если не возвращают (сумму), нет кнута, которым можно заставить... Что тут делать? Может на годы затянуться.

Однако возможность исламских медиаторов рассматривать конфликты, в которых права сторон не имеют документального подтверждения, не является единственной причиной обращения к ним при рассмотрении споров, связанных с продажами автомобилей. Другой мотив обращения к медиаторам, судя по интервью с имевшими опыт таких обращений, состоит в том, что согласие на рассмотрение спора «по исламу» предполагает отказ сторон от каких-либо других способов защиты своих интересов. Например, в некоторых случаях медиатор указывает сторонам на вариант решения проблемы через продажу части имущества той стороны, которая не может вернуть денежные средства. Существенная особенность данной процедуры состоит в том, что, если стороны на нее соглашаются, пострадавшая сторона, как ожидается всеми участниками спора, не будет требовать от должника средств в большем объеме, чем указал медиатор, и в сроки, не предусмотренные решением медиатора:

> Имам мечети, г. Хасавюрт: Но поэтому в шариате есть свой порядок, то есть если он живет в доме в центре города, покупают ему жилье на краю города, говорят: Вот этот дом продаем твой за миллион, мы тебе купим дом за 400 тысяч рублей, ты будешь жить на краю города. Если у человека нет, нечего взять, оставьте этого человека, пока у него появится возможность. *То есть не убивают, не обижают*, он зарабатывает — его заставляют выплачивать лишнее от его семьи.

На основании подобных суждений можно говорить о том, что одним из мотивов обращения к исламским медиаторам на рынке вторичных продаж автомобилей является стремление избежать решения вопроса в рамках порядка «коалиционного клинча» (см. выше), угрожающего обеим сторонам непредсказуемостью процедуры погашения долга.

Краткое рассмотрение действия религиозных правовых норм на вторичном рынке автомобилей подтверждает, что средства принуждения к использованию этих норм отсутствуют: в этой нише, как и в других, обращение к исламским медиаторам может быть только добровольным решением сторон. Более сложен вопрос о том, что обеспечивает выполнение решений исламских медиаторов после их вынесения. Силового обеспечения в этом случае, разумеется, тоже нет. Однако, видимо, можно говорить о том, что функцию «обеспечительных мер» в некотором смысле берут на себя издержки от невыполнения решения медиатора:

выход конфликта из религиозного пути урегулирования угрожает его развитием по силовому сценарию, в рамках которого приобретения и потери сторон могут быть непредсказуемы. Кроме того, некоторые интервьюируемые указывали на репутационные потери, неизбежные для человека, отказавшегося выполнять решение медиатора. Впрочем, вопрос о таких репутационных потерях в городской среде представляется не вполне ясным. Жителю сельской местности Северо-Восточного Кавказа, как отмечалось в разделе 2, невыполнение решения медиатора может грозить реальными проблемами в отношениях с односельчанами вплоть до объявления ему «бойкота» в селе. В городской среде, где социальные связи между жителями, как ожидается, слабее, реальная действенность подобного рода угроз вызывает вопросы и требует дальнейшего изучения, которое, по-видимому, должно будет учитывать имеющееся в городах Северного Кавказа разнообразие форм социальной организации, включая разную степень развитости связей между односельчанами[23].

Влияние религиозных норм на рынок вторичных продаж автомобилей в Дагестане не исчерпывается возможностью обращения к исламским медиаторам в случае какого-либо конфликта. Как уже было отмечено, на этом рынке распространена так называемая схема «исламских продаж». Суть ее состоит в том, что предприниматель приобретает автомобиль и затем продает его в рассрочку по цене, превышающей ту рыночную цену, которая действует при продаже без рассрочки (в выявленных нами случаях такое превышение составляло примерно 10-15%). Такая операция не нарушает исламского запрета на предоставление финансовых средств в кредит под проценты, однако позволяет конечному покупателю приобрести автомобиль, не имея средств на единовременную оплату всей его стоимости. Данная схема может также использоваться и для «скрытого» кредитования без фактического изменения владельца автомобиля (поэтому ее одобряли не все проинтервьюированные нами верующие предприниматели, имеющие отношение к вторичным продажам автомобилей):

> Предприниматель, г. Махачкала: Исламские запреты обходили таким путем. Вот я застройщик, которому деньги нужны. Я покупаю

23. *Стародубровская И.В., Казенин К.И.* Северокавказские города: территория контрастов // Общественные науки и современность. 2014. №6.

> у тебя автомобиль. Ты мне продаешь автомобиль, который стоит 350, за 400. Я беру, но мне нужна наличность, не автомобиль. Я его за 350 тоже не продам. Я его за 330, за 320 отдаю, даже бывали случаи, что тот же, который мне отдал, его и покупал обратно. То есть вот это. Но если ты так Аллаха обмануть пытаешься, это же чисто ростовщичество. Деньги взять, но через три месяца отдавать.

Здесь речь идет о двух разновидностях данной схемы: (1) покупка автомобиля в рассрочку с последующей его продажей без рассрочки по более низкой цене; (2) покупка автомобиля с его «обратной» продажей продавцу по более низкой цене. Очевидно, что обе разновидности этой схемы не включают в себя напрямую предоставление финансовых средств в кредит под проценты, однако позволяют фактически получить возвратные денежные средства.

Отличительной особенностью «исламских продаж» автомобилей является то, что в сделках по таким продажам может иметься институт поручителя, ответственность которого признается исламскими медиаторами, рассматривающими такие конфликты. Поручитель несет ответственность за выплату полной стоимости автомобиля покупателем при продаже в рассрочку. Во всех конкретных ситуациях, о которых рассказывалось в ходе интервью, поручители принимали на себя финансовые обязательства до обращения к исламскому медиатору, например:

> Предприниматель, г. Хасавюрт: У меня друг, мой такой близкий человек, у него были такие моменты, сложности, это была сумма 250 тысяч, которую он должен был отдать, уже сегодня, серьезным людям. И он попросил меня, потому что у меня репутация чуть-чуть другая в этой среде, он меня попросил взять машину, под свою ответственность, я ее взял, у своего же знакомого, другого. Точнее, не я ее взял, я был свидетелем, поручителем, а взял мой товарищ, у другого моего товарища. Вот этот товарищ, который взял машину, он должен был через три месяца отдать этому человеку 350 тысяч. Все документы, все он отдает, я поручитель, он его не знает, он знает меня. Никаких договоров, вообще. Этот человек, который машину продает, собственник, он в любое время должен прийти переоформить эту машину. Хотя и без этого обходятся.
>
> Мой брат хочет машину. Этот человек [после покупки машины в рассрочку был] в поисках покупателя, и опять-таки он звонит мне. Он звонит мне вечером, и говорит — слушай, я никак не могу

найти покупателя на эту машину, помоги мне продать. Ну, хорошо, но сколько ты хочешь? Он: я хоть за 200 ее отдам. Приличная цена примерно была 280. Я звоню брату, говорю: слушай, ты машину хотел? Хотел. Вот такая машина есть. Сколько ты можешь? Ну, 250 у меня есть. Я говорю, хорошо, 30 тысяч я добавлю, от себя, потом как-то ты со мной, я чтобы вот этому помочь, говорю, есть клиент. Он приезжает сразу, потом радостный уходит, отдает свои 250 тысяч.

Через три месяца этот человек пропал (который купил в рассрочку). А он теперь должен 350. Что происходит? Я уже знаю, что он не придет, у него там череда проблем, кредиты здесь, там, он просто убежал от таких проблем. Этот человек (который продал ему машину) обращается уже ко мне. Никаких у нас письменных договоренностей, ничего нет, даже не было человека в тот момент, который был свидетелем. Что без свидетеля — это вещь, когда мы друг друга знаем и я не могу сказать, что такого не было. Он приходит ко мне: слушай, как будем решать вопрос? Ну, как-как, я тебе деньги должен отдать. Я ему отдал 350 тысяч. И по сей день вот так.

Как видно из этого рассказа, неисполнение поручителем своих обязанностей рассматривается как сопряженное с серьезными репутационными рисками, которые в данном случае также можно считать фактором, косвенно обеспечивающим действие неформального регулирования рыночных отношений.

4.2. Неформальные правовые нормы в ситуации раздела бизнеса между партнерами

В ходе полевого исследования нами были опрошены предприниматели, имевшие опыт раздела бизнеса, ведшегося до этого совместно с партнером, в разных отраслях экономики, преимущественно в сфере торговли. Все отраженные в наших интервью обращения к исламским медиаторам по вопросам, связанным с разделом бизнеса, имели место в ситуации, когда на старте совместного бизнеса партнеры не определили или, по крайней мере, документально никак не зафиксировали свои права и взаимные обязанности:

Медиатор, г. Махачкала: Основная проблема, 90-95% случаев, что люди на дружеских отношениях, без деталей начинают ка-

кой-то бизнес, пока все хорошо идет, они не смотрят, а когда уже начинают убытки, расходы нести, оказывается, один думал, что это должно быть вот так, другой — что это должно быть вот так, и на основании этого какие-то разногласия возникают, соответственно, вспоминают, какие там недопонимания были в течение многого времени, и на эмоциях уже приходят.

В конфликтах, описанных в ходе интервью, наиболее частая ситуация — разногласия между партнерами, делящими бизнес, по поводу статуса одного из них до раздела бизнеса. Например, производитель товара считает, что предприниматель, постоянно занимающийся реализацией его продукции, получает за свою услугу определенный процент от прибыли и не имеет каких-либо прав на активы или бренд производителя в случае раздела бизнеса; сам же «торговый агент» считает иначе:

Медиатор, г. Махачкала: Там проблема была в том, что один считал, что он совладелец бизнеса, другой не считал его совладельцем. У человека был ювелирный магазин. Он делал украшения, продавал. Второй просто решил расширить его бизнес на Москву. Там он занимался реализацией, и полученную прибыль возвращал, чтобы больше получать материала. Человек, который привлек его для реализации, считал, что он не имеет права теперь отделить бизнес. Отношения никак не были оговорены, только то, что в Москве у него были точки, куда он может сбывать продукцию, и что прибыль от московской реализации будут делить пополам. Решение было такое, что он, действительно, не являлся совладельцем бизнеса. (Так получалось) по тому, что они оба рассказывали. Чтобы быть совладельцем бизнеса, это должно быть отдельно заранее оговорено, что на него (как на совладельца) налагаются определенные обязательства. То, что они договорились делить прибыль от московской продажи, тот считал, что он представитель этого московского бизнеса и что он владелец этой половины. От того, что он там получал половину прибыли. Я им посоветовал просто найти компромиссное решение. У них спор был не насчет капитала, а насчет бренда, что эти точки знают вот этот бренд. А теперь этот человек отчуждает того и в эти точки сам поставляет. Я не стал брать на себя решение, посоветовал им договориться между собой. Ну, этот владелец мастерской предложил ему материально компенсировать его выход из бизнеса, тот согласился.

Как показывает данный фрагмент интервью, медиатор не предложил конкретной схемы «выхода» из данного конфликта, а лишь указал на необходимость достижения компромисса. Одна из причин такого поведения медиатора может состоять в том, что, как признают сами медиаторы, не все практики бизнес-взаимоотношений в Дагестане точно соответствуют тем «типовым» конфликтам, пути разрешения которых отработаны в исламском праве (возможно также, что некоторые медиаторы недостаточно подготовлены для разрешения конфликтов, связанных с бизнесом). Сложность разрешения споров о разделе бизнеса на основе исламского права служит причиной и того обстоятельства, что число медиаторов, рассматривающих такие споры, по-видимому, значительно меньше, чем число медиаторов, рассматривающих споры иных типов. Некоторые респонденты также подчеркивали, что у медиатора для решения подобных споров должно быть не только общее религиозное образование, но и специальная подготовка, необходимая для рассмотрения бизнес-споров по исламу, которую можно получить в весьма ограниченном круге университетов стран Арабского Востока.

В исследованных нами случаях предмет спора при прекращении совместного бизнеса касался либо раздела материальной собственности (недвижимости, инструментов и т. д.), либо права использовать определенные бренды (например, право торгового агента, реализовывавшего продукцию под некоторым брендом, продолжать использовать этот же бренд после прекращения бизнес-отношений с партнером-производителем, с которым он начал свой бизнес). Случаев, когда исламский медиатор рассматривал вопрос о разделе финансовых средств при прекращении партнерами совместного бизнеса, мы не выявили. Как можно предположить, причина состоит в том, что распределение финансовых потоков при ведении совместного бизнеса в указанных сферах обычно достаточно четко оговаривается между партнерами (например, устанавливается, что партнер, занимающийся реализацией, получает определенный процент вырученных средств, а остальная их часть идет партнеру-производителю). Споры же связаны с теми вопросами, которые до решения о прекращении совместного бизнеса оговорены не были.

Отдельную разновидность описываемых споров, попадающих на рассмотрение исламским медиаторам, составляют споры при разводе супругов, ведших совместный бизнес. Здесь, наряду с ре-

лигиозными нормами, регулирующими предпринимательство, используются и религиозные нормы, касающиеся раздела любого имущества при разводе: учитывается, какое имущество у каждого из супругов было до совместной жизни, а остальное имущество, в случае ведения супругами совместного бизнеса, делится пропорционально вкладу в него. Вопросы раздела имущества супругов, бывших одновременно деловыми партнерами, исламские медиаторы относят к числу наиболее сложных, требующих, в случае конфликта сторон, установления многочисленных фактов с помощью свидетелей:

> Имам мечети (г. Хасавюрт): Спор о разделе бизнеса — очень часто бывает. Например, они в пятницу должны сюда приехать, муж и жена, они жили вместе, и сейчас у них не наладилось дело. И они пришли, они говорят: вот, у нас что было, вот у нас сегодня что есть. Мы хотим взять развод, как положено, и что нам: мне что, ему что? Я спрашиваю у него, что у тебя было. И он начал говорить: вот, машина была, дом был. Потом она говорит: да, вот это было, потом он вложил, я вложила, он работал, я работала. Но они начали некоторые вещи, факты говорить — нет, это так не было. Я им сказал: в этом случае вам надо привести сюда свидетелей, людей, которые знают это дело, как было и как есть.

В целом, как можно видеть, в случае конфликтов вокруг раздела совместного бизнеса одним из факторов, предопределяющих обращение к исламскому медиатору, является слабая «формализованность» отношений между участниками конфликта. При этом роль медиатора в данном случае также ограничивается указанием «пути выхода», без обеспечения того, что стороны конфликта действительно пойдут по этому пути.

5. Выводы

В настоящей статье мы рассмотрели подходы к явлению параллельного действия норм исламского права и норм иных правовых систем в рамках одного социума. В качестве эмпирической иллюстрации мы использовали правовой плюрализм на Северном Кавказе, с преимущественным вниманием к Дагестану. В этом регионе использование исламских правовых норм имеет очень ограниченный и заведомо факультативный для жителей характер: выявлены случаи их использования при урегулировании

лишь нескольких разновидностей конфликтов, и во всех случаях решение рассматривать конфликт «по исламу» могло быть принято только по обоюдному желанию сторон.

Однако и такое «редуцированное» использование религиозных норм в условиях правового плюрализма, как показывают исследования, не может рассматриваться только как некая «дань традиции» или проявление личной религиозности членов социума. Даже у «точечного» применения религиозных правовых норм можно увидеть причины практического характера, связанные, в частности, с затрудненностью использования норм других правовых систем в некоторых конкретных типах конфликтов. Кроме того, обращение к нормам религиозного права может объясняться соотношением выгод и издержек разных доступных способов урегулирования спорных ситуаций. В любом случае, если результаты рассмотренных здесь исследований верны, то обращение индивидов к религиозным правовым нормам носит осознанный характер и основано на сопоставлении разных возможных альтернатив регулирования.

Данный вывод, разумеется, не может быть автоматически распространен на другие ситуации правового плюрализма с исламским правом в качестве одной из конкурирующих нормативных систем. Однако он говорит в пользу таких подходов к исследованию роли религии в разрешении конфликтов, которые объясняют ее не только уровнем религиозности в социуме, но и «инструментальными» соображениями большей или меньшей эффективности тех или иных социальных практик.

Библиография / References

Агларов М.А. Сельская община под реформами XIX — первой трети XX в. // Обычай и закон в письменных памятниках народов Дагестана V — начала XX в. / сост. В.О. Бобровникова. М.: Издательской дом Марджани, 2009. С. 26–39.

Албогачиева М.С-Г. Особенности взаимодействия российской судебно-правовой системы и традиционных правовых институтов ингушского общества // Общество как объект и субъект власти: очерки по политической антропологии Кавказа / под ред. Ю.Ю. Карпов. СПб: Петербургское востоковедение. 2012. С. 142–208.

Бобровников В.О. Правовой плюрализм дагестанского адата // Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V — начала XX в. Т.II / сост. В.О. Бобровников. М.: Издательский дом Марджани, 2009.

Варшавер Е., Круглова Е. «Коалиционный клинч» против исламского порядка: динамика рынка институтов разрешения споров в Дагестане // Экономическая политика. 2015. №3. С. 89–112.

Казенин К.И. Перспективы институционального подхода к явлению полиюридизма (на примере Северного Кавказа) // Экономическая политика. 2014. № 3. С. 178–198.

Казенин К.И. Регулирование земельных отношений в Дагестане: социально-экономические корни «традиционализации» // Экономическая политика. 2015. №3. С. 113–133.

Капустина Е.Л. Выборы в сельском Дагестане: политическое событие как элемент социальной жизни // Общество как объект и субъект власти: очерки по политической антропологии Кавказа / под ред. Ю.Ю. Карпова. СПб: Петербургское востоковедение, 2012. С. 32–60.

Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. СПб: Петербургское востоковедение, 2011.

Павлова О.С. Ингушский этнос на современном этапе (черты социально-психологического портрета). М.: Форум, 2012.

Рощин М.Ю. Ислам в Чечне // Ислам в Европе и в России / сост. Е.Б. Деминцева. М.: Издательский дом Марджани, 2009. С. 215–229.

Северный Кавказ в составе Российской Империи / под ред. В.О. Бобровникова, И.Л. Бабича. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Соколов Д.В. Конкуренция социально-экономических укладов: джамаат против колхоза // Двадцать лет без колхозов / под ред. Д.В. Соколова, Х.Г. Магомедова. М.: RAMCOM, 2013. С. 7–30.

Стародубровская И.В., Казенин К.И. Северокавказские города: территория контрастов // Общественные науки и современность. 2014. №6.

Сулаев И.Х. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: история взаимоотношений (1917–1991 гг.). Махачкала, 2009.

Штырков С.А. Прогрессивные народные традиции: обретение и изобретение (случай Северо-Осетинской ССР в 1960-е годы) // Общество как объект и субъект власти: очерки по политической антропологии Кавказа / под ред. Ю.Ю. Карпова. СПб: Петербургское востоковедение, 2012. С.209–246.

Aglarov, M.A. (2009) “Sel’skaia obshchina pod reformami XIX — pervoi treti XX v.” [“Rural community during the reforms of the XIX — early XX century”], in V.O. Bobrovnikova (ed.) *Obychai i zakon v pis’mennykh pamiatnikakh narodov Dagestana V — nachala XX v*, ss. 26–39. Moscow: Izdatel’skoi dom Mardzhani.

Albogachieva, M.S-G. (2012) “Osobennosti vzaimodeistviia rossiiskoi sudebno-pravovoi sistemy i traditsionnykh pravovykh institutov ingushskogo obshchestva” [“Features of the interaction between the Russian legal system and the traditional legal institutions of Ingush society”], in Yu.Yu. Karpov (ed.) *Obshchestvo kak ob”ekt i sub”ekt vlasti: ocherki po politicheskoi antropologii Kavkaza*, ss. 142–208. SPb: Peterburgskoe vostokovedenie.

Benda-Beckmann, von F. (2002) “Who Is Afraid of Legal Pluralism?”, *Journal of Legal Pluralism* 47: 37–82.

Bobrovnikov, V.O. (2009) “Pravovoi pliuralizm dagestanskogo adata” [“Legal pluralism in Dagestani adat”], in V.O. Bobrovnikov (ed.) *Obychai i zakon v pis’mennykh pamiatnikakh Dagestana V — nachala XX v*. T.II. Moscow: Izdatel’skii dom Mardzhani.

Bobrovnikov, V.O., Babich, I.L. (eds) (2007) *Severnyi Kavkaz v sostave Rossiiskoi Imperii* [*The North Caucasus in the Russian Empire*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Dupret, B. (2006) “Legal Traditions and State-Centered Law: Drawing from Tribal and Customary Law Cases of Yemen and Egypt”, in D. Chatty (ed.) *Nomadic Societies in the Middle East and North Africa: Entering the 21st Century*. London: Brill.

Griffiths, J. (1986) “What Is Legal Pluralism?”, *Journal of Legal Pluralism* 24.

Griffiths, J. (2005) “The Idea of Sociology of Law and its Relation to Law and to Sociology”, *Current Legal Issues* 49.

Kapustina, E.L. (2012) “Vybory v sel’skom Dagestane: politicheskoe sobytie kak element sotsial’noi zhizni” [“Elections in rural Dagestan: Political event as an element of social life”], in Yu.Yu. Karpov (ed.) *Obshchestvo kak ob”ekt i sub”ekt vlasti: ocherki po politicheskoi antropologii Kavkaza*, ss. 32–60. SPb: Peterburgskoe vostokovedenie.

Karpov, Yu.Yu., Kapustina, E.L. (2011) *Gortsy posle gor* [Highlanders beyond the mountains]. SPb: Peterburgskoe vostokovedenie.

Kazenin, K.I. (2014) “Perspektivy institutsional’nogo podkhoda k iavleniiu poliiuridizma (na primere Severnogo Kavkaza)” [“Perspectives of the institutional approach to the phenomenon of judicial pluralism (on the example of the North Caucasus)”], *Ekonomicheskaia politika* 3: 178–198.

Kazenin, K.I. (2015) “Regulirovanie zemel’nykh otnoshenii v Dagestane: sotsial’no-ekonomicheskie korni ‘traditsionalizatsii’” [“The regulation of land relations in Dagestan: The socio-economic roots of ‘traditionalization’”], *Ekonomicheskaia politika* 3: 113–133.

Pavlova, O.S. (2012) *Ingushskii etnos na sovremennom etape (cherty sotsial’no-psikhologicheskogo portreta)* [*The Ingush ethnos on the contemporary stage (features of the socio-psychological portrait)*]. Moscow: Forum.

Pospisil, L. (1970) “Legal Levels and Multiplicity of Legal Systems in Human Societies”, *Conflict Resolution* 11(7).

Roshchin, M.Yu. (2009) “Islam v Chechne” [“Islam in Chechnya”], in E.B. Demintseva (ed.) *Islam v Evrope i v Rossii*, ss. 215–229. Moscow: Izdatel’skii dom Mardzhani.

Salim, A. (2009) *Dynamic Legal Pluralism in Indonesia: the Shift in Plural Legal Orders of Contemporary Aceh*. Max Plank Institute for social anthropology. Working paper 110.

Shtyrkov, S.A. (2012) “Progressivnye narodnye traditsii: obretenie i izobretenie (sluchai Severo-Osetinskoi SSR v 1960-e gody)” [“Progressive national traditions: Their emergence and invention (the case of the North Ossetian Soviet Socialist Republic in the 1960s)”], in Yu.Yu. Karpov (ed.) *Obshchestvo kak ob’ekt i sub’ekt vlasti: ocherki po politicheskoi antropologii Kavkaza*, ss. 209–246. SPb: Peterburgskoe vostokovedenie.

Sokolov, D.V. (2013) “Konkurentsiia sotsial’no-ekonomicheskikh ukladov: dzhamaat protiv kolkhoza” [“The competition of socio-economic orders: Jamaat vs kolkhoz”], in D.V. Sokolov, Kh.G. Magomedov (eds) *Dvadtsat’ let bez kolkhozov*, ss. 7–30. Moscow: RAMCOM.

Starodubrovskaya, I.V., Kazenin, K.I. (2014) “Severokavkazskie goroda: territoriia kontrastov” [“North Caucasian cities: Land of contrasts”], *Obshchestvennye nauki i sovremennost’* 6.

Sulaev, I.Kh. (2009*) Gosudarstvo i musul’manskoe dukhovenstvo v Dagestane: istoriia vzaimootnoshenii (1917–1991 gg.)* [*The state and Muslim clergy in Dagestan: A history of their relations (1917-1991)*]. Makhachkala.

Tamanaha, B.S. (2000) “A Non-Essentialist Version of Legal Pluralism”, *Journal of Law and Society* 27(2): 296–321.

Varshaver, E., Kruglova, E. (2015) "'Koalitsionnyi klinch' protiv islamskogo poriadka: dinamika rynka institutov razresheniia sporov v Dagestane" ["'The Clinch Coalition' against the Islamic order; The dynamics of institutions for the resolution of disputes in Dagestan"], *Ekonomicheskaia politika* 3: 89–112.

Voorhoeve, M. (2009) "The Interaction Between Codified Law and Divine Law: the Case of Divorce for Disobedience in Tunisia", *IBLA: Revue de l'Institut des Belles Lettres Arabes* 204: 267–286.

Woodman, G. (1996) "Legal Pluralism and the Search of Justice", *Journal of African Law* 40(2): 152–167.